

Евреи, Бог и история

Автор:

Макс Даймонт

Евреи, Бог и история

Макс И. Даймонт

Эта книга, посвященная истории еврейского народа, рассматриваемой как часть мировой истории, во взаимодействии с крупнейшими культурами четырех тысячелетий, вплоть до конца XX столетия, стала международным бестселлером и неоднократно переиздавалась как в оригинале, так и в переводе на русский язык. Она полюбилась читателю своим темпераментным, ярким, увлекательным и воодушевляющим изложением, способным увлечь и внушить национальную гордость и исторический оптимизм. В итоге создается масштабная картина «приключений еврейского духа», величия и иронии еврейской «человеческой комедии».

Макс И. Даймонт

Евреи, Бог и история

©Edited and Revised by Ethel Dimont

©Библиотека «Алия», 1975

©Мосты культуры/Гешарим, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От издательства

До самой своей смерти в 1992 году Макс Даймонт не прекращал работу над подготовкой нового, расширенного и дополненного издания своей книги «Евреи, Бог и история». Я помогала мужу в работе над книгой с того момента, когда к нему пришла идея написать ее в 1955 г., и, по-моему, Макс хотел бы, чтобы эта миссия была завершена. Я использовала его материалы, насколько это возможно, и старалась сохранить верность его идеям, убеждениям и пониманию того, кто такие евреи и что такое еврейская история. Но я прошу читательского снисхождения к очевидной разнице в стиле. Никто не может писать, как Макс Даймонт, – я, совершенно точно, не могу.

Я бы хотела также воспользоваться возможностью поблагодарить читателей Макса – ведь именно они сделали книгу «Евреи, Бог и история» классикой нашего времени еще при жизни автора, за что он был им очень благодарен.

Так же, как и раньше, наша дочь Гейл Голди постоянно была рядом со мной, вооруженная остро заточенным карандашом. В работе над рукописью мне очень помогли ее проницательный ум и постоянная готовность помочь.

Этель Даймонт, 1993

Предисловие к русскому изданию

Книг по еврейской истории, доступных людям, читающим только по-русски, крайне мало. Если не считать почтенных, но явно устаревших произведений Греца, Ренана, Дубнова и нескольких других (которые даже в Израиле можно увидеть лишь в университетских библиотеках и антикварных магазинах), список такой литературы фактически исчерпывается двухтомной «Историей еврейского народа» под редакцией профессора Иерусалимского университета Ш. Эттингера и популярными «Историей евреев» С. Рота и «Повестью тысячелетий» Ю. Марголина. Две последние книги представляют собой популяризацию в чистом виде, то есть сокращенное и слегка беллетризованное изложение основных фактов еврейской истории; книга же профессора Эттингера – скорее монографический труд, совершенно необходимый всякому, кто хотел бы систематизировать свои отрывочные познания и получить глубокое научное представление о истории еврейского народа, однако массовым чтением ее не назовешь.

В наше время, когда в массах русского еврейства началось пробуждение национального сознания и в связи с этим – возрождение интереса к национальной истории, особенно возрастает потребность в соответствующей литературе на русском языке. Трудно даже перечислить все те провалы в исторической памяти русского еврейства, которые предстоит срочно заполнить. В таком перечне, если бы он был составлен, две задачи представляются особенно важными: создание (или перевод) учебников и монографий по еврейской истории для разных (в образовательном, возрастном, этническом плане) групп русского еврейства и создание (или перевод) популярных книг, рассчитанных на массового (особенно молодежного) читателя.

Предлагаемая русскому читателю книга американского раввина Макса Даймонта «Евреи, Бог и история» является попыткой хотя бы частично решить вторую из упомянутых задач.

Книга Даймонта (известного многими работами на данную тему – «Неистребимый еврей» и другие) счастливо сочетает в себе популярный рассказ о еврейской истории с ее первых веков до провозглашения независимости Еврейского государства с темпераментным, ярким, увлекательным и воодушевляющим изложением. Последнее обстоятельство необходимо подчеркнуть особо. При выборе из огромного списка соответствующей англоязычной литературы книги для перевода приходится руководствоваться довольно жесткими критериями, не последнее место среди которых занимает именно характер изложения, способный увлечь русского читателя и внушить ему

национальную гордость и исторический оптимизм. На мой взгляд, эти достоинства присущи книге М. Даймонта более, чем многим другим, и выгодно выделяют ее на фоне упомянутой англоязычной литературы.

Но это не единственные достоинства книги. Не меньшее значение имеет, мне кажется, умение автора рассказать о еврейской истории в форме, приемлемой для нерелигиозного читателя (а русский читатель преимущественно является таковым) и в то же время ни на йоту не поступиться высоким религиозным смыслом, пронизывающим каждую страницу этой истории и неразрывно с ней связанным. Думается, это удалось автору благодаря избранному им особому подходу к своему предмету. Подход этот я бы назвал метаисторическим. Даймонт рассказывает об отдельных фактах, событиях, идеях и исторических личностях, ни на миг не упуская из вида всю еврейскую историю в целом как общий фон, на котором разворачивается повествование. Он позволяет читателю не только ощутить трагизм и величие отдаленных событий, но и осознать смысл этих событий в их целостной исторической связи. В итоге перед читателем вырисовывается величественная картина четырехтысячелетних «приключений еврейского духа». Я бы не колеблясь назвал книгу М. Даймонта романом. Не романом из еврейской истории (как «Реубени, князь иудейский» М. Брода, «Последний из праведников» А. Шварцбарта или знаменитая трилогия Фейхтвангера), а романом о еврейской истории. Как и в романе, здесь есть захватывающий воображение драматизм, трагические и полные юмора страницы, необычайные приключения, приводящие героя на край пропасти, и невероятные события, его спасающие. Я не оговорился, сказав – «героя». Как и во всяком романе, здесь есть свой герой – трагический, смешной, великий, жалкий, страдающий, борющийся, любящий, ненавидящий, преданный, изменчивый, простодушный, мудрый и неизменно привлекательный герой, за судьбой которого читатель будет следить с неотрывным напряжением и неослабевающим интересом. Герой этот – поразительная в своей глубине и загадочности история еврейского народа.

Да, быть может, именно романтический дух загадочной глубины, пронизывающий рассказ М. Даймонта о еврейской истории, делает его таким привлекательным и воодушевляющим. По мере чтения книги у читателя непрерывно нарастает уверенное ощущение, что эти загадочные (возможно – самые загадочные в мировой истории) глубины непременно должны породить все новые и новые духовные громады – новые грандиозные идеи и свершения, обеспечивающие еврейскому народу его уникальную выживаемость и чудесную силу вечного обновления.

Автор не скрывает своей зачарованности этой основной загадкой еврейского существования; более того – он делает эту загадку центральным предметом своего исследования. Уже в предисловии, бегло характеризуя основные трактовки исторического процесса, принятые в современной исторической науке, он отмечает, что ни одна из них, в сущности, не может объяснить уникального бессмертия еврейского народа. Он выдвигает гипотезу о том, что этим бессмертием еврейство обязано своему исключительному духовному богатству – своей постоянной связи с источником все новых духовных превращений, которые позволяют евреям выжить и подняться к вершинам каждой последующей цивилизации. Эту связь Даймонт видит в постоянном «диалоге с Богом» – диалоге, который, по его словам, и составляет суть еврейской истории и к которому, как зачарованные, прислушиваются другие народы.

Свою идею духовной истории еврейства как диалога с Богом Даймонт заимствовал, как он сам отмечает, у великого еврейского философа – религиозного экзистенциалиста Мартина Бубера. Влияние Бубера (например, его подхода к истории хасидизма) ощутимо и в самом изложении. Каждая очередная глава книги Даймонта – это как бы рассказ о новом неожиданном и удивительном преображении и возрождении еврейского народа перед лицом требований новой эпохи.

В целом этот необычный подход создает у читателя, когда он закрывает прочитанную книгу, ощущение целостной и грандиозной картины величественной, до конца еще не разгаданной и не исчерпанной духовной эпопеи великого народа.

Сказанное не означает, разумеется, что книга Даймонта лишена недостатков. Недостатки эти очевидны, и о них следует тоже сказать. Я бы отметил прежде всего, что на книге Даймонта лежит слишком заметный отпечаток американского происхождения автора и его реформистских убеждений. Первое проявляется, например, в непрерывных сопоставлениях: Десяти заповедей – с американской конституцией, правил кашрута – с американскими кулинарными обычаями, субботних ограничений – с нормами американской жизни и т. п. Некоторые из этих сопоставлений интересны сами по себе, другие утомительны и мельчат тему. Вторая личная особенность автора находит выражение в его трактовке собственно религиозного элемента еврейской истории (откровение Авраама, история Моисея и т. д.) и в подчеркнутом стремлении сделать книгу привлекательной и приемлемой для нееврейского и несионистского читателя.

Последнее особенно существенно для концепции книги. Завершающий книгу эпилог, в котором Даймонт высказывает свое предположение об обязательности диаспоры (галута) для дальнейшего существования еврейского народа, звучит откровенным «социальным заказом», рассчитанным на далекое от идеи алии американское еврейство. Здесь Даймонт, по существу, повторяет распространенные доводы защитников диаспоры, утверждающих, что только рассеяние помогло евреям внести величайший вклад в мировую культуру, создать универсальные ценности, входящие в сокровищницу человеческого духа, выработать идеи социальной справедливости, этического идеализма и мирового братства, воодушевляющие человечество.

Спору нет: еврейский народ может гордиться Спинозой и Марксом, Фрейдом и Эйнштейном как свидетельствами величайшей одаренности национального интеллекта; но как справедливо отметил Г. Галкин в своих «Письмах американскому другу-еврею», «от прочтения Маркса или Фрейда количество евреев в мире не увеличивается».

Этот «пафос диаспоры» сквозит у Даймонта уже начиная с тех глав книги, где впервые появляется рассеянное по свету еврейство, и нарастает к ее концу, все время борясь с пафосом еврейского единства, которое одно (Даймонт это сознает) обеспечивает еврейству величие и бессмертие, составляющие сквозную тему его истории. Двойственность, внутреннее борение с властно притягивающей идеей еврейского собрания, независимости и государственности, попытки опереться в этой борьбе на шаткие логические аргументы, подобные вышеприведенным, – все это чрезвычайно характерно для многих современных еврейских интеллектуалов Запада. Их можно понять, и, может быть, еврейский читатель из России поймет их лучше другого, потому что он тоже испытал подобные мучительные сомнения и слышал подобные логические аргументы, когда решался на свою алию. Тех же советских евреев, которые эмигрировали на Запад, эта книга с ее противоречивой концовкой, возможно, даже укрепит в ощущении правильности их решения. Что ж, пусть она по крайней мере вооружит их знанием своей национальной истории и способностью перестать стыдиться своего еврейства, – ведь именно эти незнания и стыд и определили их выбор. Со временем и им придется признать справедливость слов А. Кестлера, заявившего, что после воссоздания Государства Израиль остаются только два пути для евреев диаспоры: быть евреями в Израиле – или перестать быть евреями вообще. Этим словам недостает только вопросительного знака: а можно ли в современном мире, в котором господствующими чувствами стали именно национальные, «перестать» быть евреем? Попытки эти не новы, и трагический исход их – даже не в столь

чреватое национализмом время – общеизвестен.

Остается сделать еще одно, последнее замечание – о беглости и поверхностности последних глав книги, рассказывающих о судьбах еврейства в наши дни. Эта беглость имеет вполне понятные причины – трудно и почти невозможно с достаточной глубиной рассказать в популярной книге небольшого объема о жизни десятков современных еврейских общин во всей ее сложности и специфичности. Поэтому следует рекомендовать читателю дополнить соответствующие главы книги Даймонта другими произведениями – и прежде всего уже упоминавшейся «Историей еврейского народа».

Р. Нудельман

Введение

Труды по еврейской истории пишутся, как правило, евреями для евреев или учеными для ученых. Но еврейская история слишком увлекательна, слишком интересна, слишком необыкновенна, чтобы оставаться достоянием одних лишь евреев и ученых. Настоящая книга представляет собой популярную историю этого удивительного народа, написанную без преклонения перед традицией или потворства модному антиинтеллектуализму. Я готов изложить читателю соображения, данные, факты, но пусть и он будет готов вложить в чтение частицу своего интеллекта. Я не стремлюсь убедить кого бы то ни было или изменить чьи бы то ни было убеждения. Назначение этой книги – заинтересовать, проинформировать, побудить к размышлению.

Подлинная история евреев еще не написана. После краха греческой цивилизации Европе понадобилось 16 столетий, чтобы осознать, что ее литература, наука и архитектура уходят корнями в греческую почву. Быть может, понадобятся еще несколько столетий, чтобы осознать, что духовные, морально-этические и идеологические истоки западной цивилизации коренятся в иудаизме. То же самое можно выразить иначе: вся утварь западного мира – греческого изготовления, но сам дом, в котором обитает западный человек, – это еврейский дом. Это та точка зрения, которая постепенно начинает пробивать себе дорогу в сочинениях и религиозных и светских мыслителей.

Еврейская история не может быть рассказана только как история одних лишь евреев, ибо они почти на всем протяжении своего исторического пути жили во взаимодействии с другими цивилизациями. Судьба евреев была сходной с судьбой этих цивилизаций, за одним весьма важным исключением. Евреи каким-то образом сумели избежать той культурной смерти, которая, как оказалось, была уготована всем цивилизациям, их окружавшим, и продолжали свое культурное развитие в рамках новых цивилизаций, возникавших к этому времени.

Как им это удалось?

Чтобы рассказать о четырехтысячелетней истории этой борьбы за существование, протекавшей на четырех континентах и в пределах шести крупнейших культур, мы вынуждены прибегнуть к совершенно новому способу рассмотрения еврейской истории. Мы будем излагать в самых общих чертах историю каждой из этих культур, анализировать события еврейской истории в соответствии с этими культурами, а затем исследовать те специфические, только евреям принадлежащие идеи, которые позволили им выжить как национальной группе и обеспечили жизненные силы, необходимые для сохранения их культурно-созидательного потенциала. Таким образом, еврейская история становится в нашем изложении частью мировой истории.

Я хотел бы представить широкую картину еврейской истории, величие и иронию еврейской «человеческой комедии», взглянув на нее глазами современного западного человека, а не талмудиста из гетто XVI века.

Многие даты еврейской истории спорны. Но в той мере, в какой ее логика от этого не страдает, мы позволяем себе произвольно выбирать одну из существующих датировок, не отвлекаясь всякий раз на обсуждение преимуществ и недостатков других. Так, например, мы начинаем еврейскую историю с 2000 г. до н. э., когда Авраам, как предполагается, покинул город Ур, хотя некоторые ученые относят это событие на несколько веков позже. Мы датировем начало еврейского плена и рабство в Египте 1600–1200 гг. до н. э., начало расселения в Ханаане – после 1200 г. до н. э. и так далее, полностью отдавая себе отчет в том, что ряд историков ставят эти даты под сомнение. Как правило, мы следуем датам в Standard Jewish Encyclopaedia.

Это произошло один-единственный раз в истории!

Исчерпывающий обзор четырехтысячелетнего исторического периода и шести цивилизаций, через которые прошел еврейский народ; разбор некоторых факторов одного из наиболее нелогичных выживаний в истории – выживания нации, которая себя объявила избранным Богом народом и почти убедила в этом мир.

Это произошло один-единственный раз в истории!

На нашей планете насчитывается почти 5,5 миллиардов человек, из них лишь 18 миллионов – меньше одной трети процента – составляют евреи. Статистически они как будто бы так же мало могут претендовать на заметную роль в мировых событиях, как, скажем, какое-нибудь племя айну, затерянное в глубинах Восточной Азии, на обочине истории. В действительности, однако, роль евреев совершенно не пропорциональна их малой численности. Не менее 12 процентов всех Нобелевских премий по физике, химии и медицине принадлежит евреям. Вклад евреев в величайшие достижения человечества в области религии, науки, литературы, музыки, экономики и философии поражает своими масштабами.

Период расцвета античной Греции продолжался пять столетий. Затем греки превратились в народ пастухов. Они никогда не достигли вновь своего бывшего величия. Совершенно иначе обстоит дело с евреями. Они сохраняют творческую активность на всем протяжении своей четырехтысячелетней истории. Они внесли свой вклад в развитие Востока и Запада, хотя и Восток и Запад не всегда осознают значение этого вклада и, даже сознавая, не всегда готовы признать себя в долгу перед евреями.

Из еврейского народа вышел Иисус, которого 850 миллионов христиан, крупнейшая религиозная община современности, считает Сыном Божиим. Из еврейского народа вышел Павел, создатель христианской церкви. Еврейская религия оказала существенное влияние на мусульманство – вторую крупную религию современного мира, насчитывающую свыше 400 миллионов

приверженцев, которые считают себя потомками Авраама и Исаила. Мормоны заявляют, что они являются потомками колен Израилевых.

Другого еврея почитают свыше миллиарда человек. Это – Карл Маркс, книга которого «Капитал» представляет собой светское евангелие мирового коммунизма. Еврейский математик Альберт Эйнштейн своими исследованиями в теоретической физике возвестил наступление атомного века и открыл человечеству путь к Луне. Еврейский психиатр Зигмунд Фрейд приподнял завесу над тайнами человеческого разума. Открытие психоанализа революционизировало все представления человека о самом себе и об отношении духа к материи. За три столетия до Фрейда еврейский философ Барух Спиноза провозгласил освобождение философии от мистики, открыв тем самым путь к рационализму и современной науке.

В ходе столетий евреи выработали такие понятия, как молитва, церковь, спасение души, всеобщее образование, благотворительность. Они ввели их в свой обиход за много веков до того, как все прочее человечество оказалось способным их воспринять. И тем не менее вплоть до 1948 г., в течение почти двух тысяч лет, евреи не имели даже собственной страны. Они обитали среди вавилонян, жили в окружении эллинистического мира, присутствовали у смертного одра Римской империи, преуспевали в исламской цивилизации, вновь вышли на сцену из двенадцативекового мрака, именуемого Средними веками, и достигли интеллектуальных вершин в новое время.

Великие языческие народы, возникшие одновременно с евреями, успели с тех пор исчезнуть из истории. Вавилоняне, персы, финикийцы, хетты, филистимляне – все эти народы, некогда достигшие славы и могущества, исчезли с лица земли. Китайцы, индусы и египтяне – единственные три народа, возраст которых сравним с возрастом евреев. Но каждый из этих народов имел всего лишь один период культурного расцвета. Их влияние на последующее развитие цивилизации не было столь велико. В отличие от евреев они не были изгнаны из своих земель и не были поставлены перед проблемой выживания в чужих странах. Греки и римляне – единственные, кто повлиял на историю западного мира, вероятно, столь же существенно, как и евреи. Однако жители нынешней Италии и Греции – не те эллины и римляне, которые населяли некогда Элладу и Рим.

В истории еврейского народа мы видим три элемента, которые отличают ее от истории всех других народов. Евреи насчитывают за собой четыре тысячи лет

непрерывной живой истории, их непрекращающаяся духовная и интеллектуальная активность продолжается свыше трех тысячелетий. Евреи прожили 2000 лет без собственного государства и тем не менее сохранили свою этническую идентичность, не смешавшись с другими народами. Евреи выразили свои идеи не только на собственном языке, но и, в сущности, на всех основных языках человечества.

Как правило, о масштабах этого самовыражения нам известно мало. Причину этого нетрудно понять. Чтобы познакомиться с французской, немецкой или английской литературой, достаточно знать французский, немецкий или английский язык. Чтобы познакомиться с еврейской литературой, необходимо знать не только иврит и идиш, но и арамейский, арабский, латинский, греческий и чуть ли не все современные европейские языки.

Все известные нам цивилизации оставили материальные памятники своей истории. Мы знаем об этих цивилизациях по их письменам или археологическим раскопкам. О древних евреях мы знаем в основном благодаря их идеям и тому влиянию, которое эти идеи оказали на другие народы и другие цивилизации. Сохранилось очень мало надписей на древнем иврите, рассказывающих о прошлом, и очень мало памятников, говорящих о былой славе. Но парадокс состоит в том, что народы, оставившие материальные памятники своего существования, исчезли с лица земли. Между тем евреи, оставившие нам идеи, сохранились.

Шесть раз на протяжении истории существование евреев оказывалось под угрозой. И всякий раз евреи преодолевали ее и сохранялись как народ, идя навстречу следующей напасти.

Первой такой угрозой был языческий мир. Евреи представляли собой тогда маленькое кочевое племя. Они были своего рода статистами на мировой сцене, затерянными среди таких действующих лиц, как Вавилония, Ассирия, Финикия, Египет, Персия. Каким образом они сумели выжить и сохранить свою культуру в течение семнадцати столетий, среди непрерывных схваток и взаимного уничтожения всех этих великих держав? За это время они не раз оказывались на грани исчезновения. И спасло их не что иное, как те идеи, которые они выдвигали в ответ на каждую очередную угрозу своему существованию.

Пережив семнадцать веков блужданий, рабства, массовых уничтожений и изгнания, евреи снова вернулись на свою родину – лишь затем, чтобы

немедленно вступить в греко-римский период своей истории. И снова оказаться перед угрозой уничтожения. На этот раз они уцелели просто чудом. Все, к чему прикасалась Эллада в эти годы своего сказочного величия, тотчас эллинизировалось, не исключая и самих покорителей Эллады – римлян. Греческая религия, литература, искусство; римские легионы, законодательство и система правления – все это наложило неизгладимую печать на весь цивилизованный мир. Но стоило римским легионам потерпеть поражение, и эта великая культура стала рушиться и погибла. Народы, покоренные сначала греками, а потом римлянами, исчезли. Новые нации силой оружия завоевали свое место под солнцем. Одни лишь евреи выжили – и не силой своего оружия, а благодаря силе связующих их идей.

Третью угрозу еврейству представляло собой явление единственное и не имевшее себе равных в истории. Евреи оказались перед фактом возникновения двух течений иудаизма. Один из них сложился в Палестине, а другой зародился в диаспоре (от греческого слова, переводимого как «рассеяние» и означающего ту часть еврейства, которая была рассеяна в нееврейском мире за пределами Палестины). Со времени изгнания евреев из Иерусалима вавилонянами в VI в. до н. э. и вплоть до их освобождения из гетто в XIX в. н. э. еврейская история – это непрерывный процесс дробления народа на все более мелкие группы, рассеянные по громадным пространствам среди совершенно различных культур. Что сохранило евреев от ассимиляции и исчезновения в море чужих народов, их окружавших?

На это испытание евреи ответили созданием религиозного кодекса – Талмуда, который стал объединяющей силой и вдохновляющей идеей нации. То был «талмудический период» еврейской истории. Почти пятнадцать веков Талмуд незримо управлял всем течением еврейской жизни.

В седьмом столетии новой эры иудаизм дал начало новой религии – исламу, созданному Магомедом, и это был четвертый вызов, брошенный еврейству. В течение каких-нибудь ста лет мусульманская империя превратилась в серьезного соперника западной цивилизации. Но и в рамках этой религии, приверженцы которой ненавидели христиан с никогда не ослабевавшей силой, евреи ухитрились не только выжить, но и подняться к вершинам величайших литературных, научных и интеллектуальных достижений. В этот период появились евреи – государственные деятели, философы, врачи, ученые, торговцы и бизнесмены-космополиты. Арабский язык стал языком их повседневного обихода. В ту эпоху возник и тип еврея бонвивана и волокиты,

который сочинял не только научные и философские труды, но и любовные элегии. Но прошло семь столетий, и маятник качнулся в противоположном направлении. Мусульманский мир рухнул, и еврейская культура в исламской цивилизации рушилась вместе с ней.

Пятой угрозой были Средние века. То было мрачное время не только для евреев, но и для христиан. Двенадцать веков евреи сопротивлялись угрозе полного истребления. Все нехристианские народы, покоренные во имя Креста, преклонили перед ним свои колени – кроме евреев. И вот на исходе двенадцати мрачных столетий евреи появились вновь, сохранив свою духовную и культурную жизненную силу. Идеи, завещанные им их великими мыслителями, прошли проверку временем и доказали свою жизнеспособность. Когда пали стены гетто, евреям понадобилось не более одного поколения, чтобы превратиться в неотъемлемую составную часть западной цивилизации. Всего за одно поколение, еще не успев забыть тесные улочки гетто, евреи стали премьер-министрами, промышленными магнатами, военными деятелями и лидерами того интеллектуального авангарда, которому суждено было преобразовать духовную жизнь Европы.

Шестой угрозой послужило само новое время. Возникновение национализма, капитализма, коммунизма и фашизма в XIX–XX веках в дополнение к новой заразной болезни западного сознания – антисемитизму представляло собой особую угрозу для евреев. Перед лицом этих новых испытаний возникла необходимость выработать новые средства самосохранения. Окажутся ли эти средства достаточными? На этот вопрос может ответить только будущее.

Итак, еврейская история разворачивалась на фоне не одной, а по меньшей мере шести цивилизаций. Этот факт противоречит утверждениям многих исторических школ, которые считают, что любая цивилизация, подобно всякому живому существу, живет только один раз и срок ее существования – пятьсот, от силы тысяча лет. Однако евреи, как мы видим, живут уже четыре тысячи лет. У них была не одна, а шесть разных культур в рамках шести различных цивилизаций и скорее всего будет и седьмая. Как согласовать этот факт с теорией?

Существует восемь основных способов изучения истории, каждый из которых исходит из иных принципов. Как правило, историк выбирает тот аспект истории, который отвечает его представлениям, и проводит ту точку зрения, которая кажется ему наиболее правильной. Мы будем пользоваться всеми этими

способами, за исключением первого – «антиисторического», или «фордовского». Генри Форд однажды заявил, что вся история – это «ненужная дребедень». Если хочешь получить какую-нибудь справку, то всегда можно нанять для этой цели профессора, который мигом даст ответ. В «фордовской концепции» история рассматривается как нагромождение не связанных друг с другом событий, куча имен, дат и сражений. Она не содержит ни уроков, ни откровений.

Второй способ рассмотрения истории может быть назван «политическим». В этом случае история рассматривается как последовательность династий, законодателей, войн. Правители сильны или слабы, выигрывают или проигрывают войны, законы хороши или плохи, все события выстраиваются в безукоризненном порядке от А до Я, от 2000 г. до н. э. вплоть до 2000 г. н. э. Именно в таком виде историю, как правило, преподают в школах.

Третий подход – географический. Эта школа учит, что климат и почва определяют формирование национального характера. Идея эта впервые возникла у греков. Даже и сегодня многие считают, что единственный подлинно научный путь объяснения социальных черт человечества состоит в изучении физической среды – топографии, почвы, климата. Еврейскую историю было бы весьма затруднительно объяснить на основе этой теории. Евреи обитали чуть ли не во всех климатических зонах. Тем не менее они ухитрились сохранить общую этническую идентичность и культуру. Это особенно очевидно в нынешнем Израиле, где еврейские изгнанники, собравшиеся со всего мира – из Азии, Африки, Европы, Америки, – в течение одного поколения сливаются в единый народ. Тем не менее нельзя отрицать, что географические факторы изменили или модифицировали многие черты и особенности поведения евреев.

Четвертый способ интерпретации истории – экономический. Это Марксова школа. Она утверждает, что ход истории определяется способом производства товаров. Представим себе, говорит марксист, что экономика феодального общества преобразуется в капиталистическую. Новый, капиталистический способ производства, утверждает марксист, повлечет за собой изменение социальных институтов страны – ее религии, этики, морали, системы ценностей, поскольку возникнет необходимость оправдать и освятить новые принципы экономики. Аналогично, если капиталистическая страна становится коммунистической, в ней тоже начнутся – автоматически – изменения культурных и социальных институтов, имеющие целью утвердить новый способ производства. Эти изменения будут продолжаться до тех пор, пока новый образ жизни не станет повседневностью.

Пятый способ интерпретации истории очень отличен от экономического. Он основан в начале XX века проф. Зигмундом Фрейдом. Эта школа утверждает, что социальные институты и вообще вся человеческая история являются результатом подавления подсознательных антипатий. Цивилизованность, говорит историк психоаналитической школы, может быть достигнута только ценой отказа от таящихся в нашем подсознании безграничной похоти, жажды убийства, тяги к кровосмешению, садизму, насилию. Только подчинив свои подсознательные импульсы, человек может обратить свою энергию в творческое, цивилизованное русло. Формы человеческой культуры и искусства, говорит психоаналитик, зависят от того, какие именно импульсы человек подавляет, насколько надежно он их подавляет и какие методы использует для подавления.

Шестой подход – философский. Тремя его главными выразителями являются немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, прусский философ и историк Освальд Шпенглер и английский историк Арнольд Тойнби. Хотя их конкретная интерпретация истории различна, есть у них и нечто общее. Каждая цивилизация, утверждают они, следует более или менее предсказуемой схеме. Они рассматривают каждую цивилизацию как нечто живое. Подобно живому существу, она имеет свое младенчество, детство, юность, зрелость, старость и, наконец, неизбежный конец. Длительность жизни данной цивилизации, по их мнению, зависит от тех идей и идеалов, на которых она основана. Философская интерпретация истории стремится вскрыть внутренние источники развития всех без исключения цивилизаций с целью обнаружить присущие им общие черты.

По мнению Шпенглера, цивилизации заранее обречены на смерть. Они проходят через Весну своего возникновения, созревают в Лето своих величайших физических достижений, вступают в Осень своих интеллектуальных вершин, клонятся к упадку в свою Зиму и, наконец, умирают. В 1918 г., когда Англия была в зените своего могущества, а Россия и Китай являлись третьеразрядными державами, Шпенглер в своей книге «Закат Европы» утверждал, что западная цивилизация вступила в зимний период своего цикла и должна погибнуть к XXIII веку. Ее сменят славянская (Россия) или синская (Китай) цивилизации, которые сейчас переживают весну своего развития. Такой взгляд на историю называется «циклическим», поскольку согласно этой трактовке каждая цивилизация имеет начало, середину и конец. Наряду с «циклическим» подходом существует «линейная» концепция Тойнби. Она изложена в его «Исследовании истории». Тойнби утверждает, что отдельно взятая цивилизация не представляет собой независимого замкнутого целого. Она составляет этап эволюции от нижних форм к высшим. Так, например, исламская цивилизация

возникла из иранской и арабской культур, которые в свою очередь были порождены так называемым сирийским обществом. Следовательно, утверждает Тойнби, исламская цивилизация вовсе не была обречена на исчезновение. Она развилась бы в еще более высокую культуру, если бы могла справиться с трудностями, возникшими перед ней в XIII–XIV веках. По мнению Тойнби, развитие цивилизации может продолжаться бесконечно при условии, если найден путь решения проблем, поставленных перед ней историей.

Поскольку история евреев не укладывается ни в одну из этих схем, Шпенглер вообще игнорирует их, а Тойнби посвящает им случайное замечание, в котором характеризует евреев как историческую окаменелость. Не будь Шпенглер и Тойнби в таком плену у предвзятых и ложных концепций в отношении еврейской истории, им стало бы ясно, что она вполне поддается описанию при использовании их метода анализа. В этой книге мы попытаемся с помощью их теории пролить свет на кажущееся «невозможным» выживание евреев.

«Культ личности» – это седьмой вид интерпретации истории. Сторонники этой школы утверждают, что ход событий определяется волей великих людей. Если бы не Вашингтон, говорят они, не было бы американской революции; если бы не Робеспьер, не было бы французской революции; если бы не Ленин, не было бы русской революции. Люди создают события, утверждают историки этой школы в полном контрасте с историками экономической школы, согласно которым, напротив, события создают людей.

Восьмая трактовка истории, религиозная, одновременно и самая древняя, и самая молодая. Лучшим примером подобной трактовки является Библия. При таком подходе история рассматривается как борьба между добром и злом, между моралью и аморальностью. Вплоть до недавнего прошлого еврейская история чаще всего рассматривалась именно с этих позиций.

В современную эпоху толкование истории с позиций религии было в значительной мере скомпрометировано. Но авторы нового направления – теологического экзистенциализма – католик Жак Маритен, православный Николай Бердяев, протестант Пауль Тиллих и еврей Мартин Бубер смогли восстановить авторитет этого подхода к описанию истории. Они утверждают, что хотя Бог непосредственно и не вмешивается в ход истории, но тем не менее все происходящее определяется той взаимосвязью, которая, как убеждены люди, существует между ними и Богом. Сегодня все мы одержимы верой в силу так называемых научных фактов. Поэтому мы склонны забывать, что историю в

значительно большей степени формируют обычные люди с их «ненаучными», недоказуемыми идеями, а не рациональные обстоятельства.

Это особенно справедливо в отношении евреев. Мартин Бубер считает, что сквозной темой всей еврейской истории являются отношения между евреем и его Богом – Яхве. С точки зрения еврейской религиозной трактовки истории еврейские экзистенциалисты считают, что поскольку Бог наделил человека свободой воли, человек может по своему выбору обратиться к Богу или отвернуться от него. Он может действовать во славу Божию или против Него. То, что происходит между человеком и Богом, это и есть история. По еврейским представлениям, не всякая удача обязательно обусловлена Божьим благословением. Человек может достичь власти просто потому, что не считается ни с какими законами морали, а вовсе не потому, что ему помогает Бог. Это оставляет Богу свободу возлагать на человека ответственность за его поступки – как за достижения, так и за неудачи.

Именно эта концепция отношений человека и Бога создала ту пропасть в образах мышления, которая отделила евреев от остального языческого мира еще четыре тысячи лет назад. Языческая идея бога подчиняла человека богам. Еврейское представление об отношении человека к Богу делало евреев свободными в их действиях. Строго говоря, Запад пришел к этой идее религиозной свободы только в век Реформации, когда Мартин Лютер отверг власть пап и изменил отношения между человеком и Богом, приблизив их к еврейскому пониманию. Вслед за этим Лютер призвал евреев принять протестантство. Он считал, что отныне ничто не разделяет иудаизм и христианство. Во всей этой последовательности событий не было ни одного рационального факта – одни лишь люди, выдвигавшие «ненаучные идеи»; тем не менее нельзя не видеть, сколь решающими оказались эти недоказуемые идеи для судеб мировой истории.

Итак, круг замкнулся. Начав с представления о Боге как Творце истории, человек последовательно изобретал все новые толкования: анархическое, рассматривающее историю как последовательность случайных событий; философское, видящее в истории причинно-следственную связь; экономическое, объявляющее методы производства движущей силой истории; психологическое, отдающее приоритет подсознательным факторам; личностное, выдвигающее человека на роль творца своей собственной исторической судьбы, – и наконец снова вернулся к Богу, признавая его власть.

В этой книге мы рассмотрим еврейскую историю со всех возможных точек зрения, не входя в обсуждение достоинств и недостатков каждой из них. Люди всегда верили в «ненаучные концепции» независимо от того, были эти концепции верны или нет. Эта вера зачастую и представляла собой те реальные обстоятельства, которые формировали человеческую судьбу. Вслед за психоаналитиками, философами и экзистенциалистами я убежден, что именно идеи определяют поступки людей и что именно идеи – то, что творит историю. Общество без идей лишено истории. Оно всего лишь влачит существование.

I. Портативный бог

Обзор языческого периода. Появляется кочевое племя неких евреев, которые прокладывают себе путь на историческую сцену, «изобретая» Единого Бога, создавая царство. Они терпят поражение, но переживают своих завоевателей. И вот снова «столкновение» – на сей раз с греками.

Языческий период

1. Великое видение

Свой путь в историю евреи прокладывали неприметно и с большим опозданием. У них не было ни каменного, ни бронзового века. У них не было и века железного. В течение первых восьми столетий своего существования они кочевали внутри и вовне больших цивилизаций, окружавших их. У них не было ни зданий, ни городов, ни армии. В сущности говоря, у них не было даже оружия. Все их богатство составляли те идеи, которые со временем покорили мир, хотя и не сделали евреев его хозяевами.

Еврейская история начинается в тот удаленный от нас на четыре тысячелетия день, когда человек по имени Авраам встретился с Богом, который открылся ему под именем Эль Шаддай. В тот день начался диалог между евреем и Богом. Этот продолжающийся диалог и составляет содержание еврейской истории, в которой весь остальной мир играет роль с любопытством прислушивающихся зрителей.

Однако, прежде чем углубиться в историю евреев языческого периода – периода, в течение которого они, подобно монетам, переходили из египетских рук в вавилонские, затем в ассирийские, затем в персидские, затем в греческие, затем в римские, – рассмотрим бегло события, предшествующие появлению евреев на исторической сцене.

Первые ростки цивилизации со всеми ее классическими приметами – городами, архитектурой, календарем, усовершенствованным оружием, армиями и налогами – зародились где-то около 4500 г. до н. э. Две цивилизации родились одновременно: шумеро-семитская – к северо-востоку от Палестины, семито-хамитская – к юго-западу от нее. Прошло около 2500 лет, прежде чем эти цивилизации узнали о существовании друг друга. Вслед за тем между ними начались войны, и Палестине пришлось тяжело поплатиться за свое положение буферного государства.

Цивилизация в Месопотамии (ныне часть современного Ирака) началась с городов-государств. Самыми древними и известными среди них были Сузы, Киш и Ур. Именно вокруг этих городов и возникли первые империи. Их местоположение легче представить, если мысленно провести через центр Месопотамии горизонтальную линию с востока на запад. То, что расположено севернее этой линии, стало Ассирией, то, что южнее, – Вавилонией. Теперь

мысленно разделим пополам Вавилонию. Верхняя часть – это царство Аккад, нижняя – царство Шумер: две первые Месопотамские империи.

В третьем тысячелетии до н. э. на трон Аккада взошел великий семитский царь по имени Саргон I. Он покорил шумеров и создал Шумеро-Аккадское царство. Это было государство с высоким жизненным уровнем и развитой культурой. Оно также располагало средством, которое превратило страну азиатской цивилизации из сельскохозяйственной в торгово-промышленную. Этим средством был новый вид письма – клинопись (от латинского кунеус, что означает «клин» и характеризует форму письменных знаков этого письма). Появление клинописи представляло собой значительный шаг вперед по сравнению с египетскими иероглифами.

На долю царя и законодателя по имени Хаммурапи выпала задача объединить (около 2100 г. до н. э.) все города-государства этого района в одну огромную Вавилонскую империю. Хаммурапи был вавилонским Моисеем. Он преподнес своему народу кодекс законов как дар небес, точно так же, как спустя тысячу лет Моисей даровал израильтянам свой кодекс законов у подножия горы Синай.

Все эти две с половиной тысячи лет, пока жители Вавилонии строили города, обогащались за счет грабежей, предавались любви, создавали законы, пили вино и мечтали о мировом господстве, евреи попросту не существовали. Но где-то около 2000 г., как раз в то время, когда молодое и беспокойное семитское племя ассирийцев начало хищно и жадно поглядывать на плодородные и богатые земли вавилонян, некий человек по имени Терах (Фарра) взял своего сына Авраама, его жену Сару и племянника Авраама Лота и покинул космополитический город Ур в Вавилонии.

Кем они были – Терах, Авраам, Сара, Лот? История не отвечает на этот вопрос. Библия ограничивается тем, что прослеживает генеалогию Тераха до потомков Шема (Сима), первого сына Ноя. Был ли Терах вавилонянином? На каком языке он говорил? Чем занимался? Ведь вряд ли этот житель одного из городов самой утонченной культуры своего времени был простым пастухом.

Все эти вопросы Библия оставляет без ответа. Но благодаря самому факту перехода через реку Евфрат Терах и его семья стали первыми людьми, которых Библия называет словом иврим («евреи»). Оно означает «перешедшие реку» или «люди с другого берега». Странствуя от города к городу, Терах и его близкие пришли наконец в страну Харан, что была в шестистах милях к северо-западу от

Ура, в южной части нынешней Турции. Здесь Терах, покинувший Ур без чьего-либо внушения, закончил свои дни. Здесь же с Авраамом впервые произошло странное событие. Он увидел своего бога Яхве[1 - В Библии Бог именуется трояко: Элохим - «Бог»; Яхве - «Господь» и Яхве Элохим - «Господь Бог». Ортодоксальный еврей никогда не произносит имя Яхве, хотя оно встречается в Библии более 7000 раз. Встречая это слово, он произносит Адонай, что означает «Господь мой». Отсюда перевод Яхве - «Господь». Никто не знает, как это имя произносилось первоначально, поскольку его произношение было запрещено уже во II в. до н. э., тогда как диакритические знаки для обозначения гласных были введены в употребление только несколькими столетиями позже. Пуристы даже не пытаются реконструировать первоначальное произношение и попросту пишут Яхве.] и говорил с ним. Эту встречу можно было бы сравнить со знаменитым видением Христа Павлу по дороге в Дамаск. Для евреев она была так же знаменательна, как видение Павла - для христиан.

Во время этой встречи Бог предложил Аврааму, тогда уже семидесятипятилетнему старцу, заключить с ним союз. Если Авраам будет следовать заповедям Бога, тогда Бог в свою очередь сделает потомков Авраама Своим Избранным Народом и возьмет их под Свое покровительство. Здесь следует отметить, что Бог при этом не сказал, будто евреи будут лучше других. Он всего лишь сказал, что они сохранятся как отдельный и особый народ и будут Его народом. Как именно это произойдет, Бог не открыл Аврааму. В ту встречу Бог предписал всего лишь одну заповедь и дал всего лишь одно обещание. Заповедь состояла в том, что все мужчины Избранного Народа должны совершать обряд обрезания на восьмой день после рождения (или после обращения, если они обращены взрослыми). Обещана Избранному Народу была земля Ханаан.

Произошло ли это в действительности? Мнения по этому поводу разнятся - от принятия буквального смысла каждого слова до отрицания каждого же. Мы полагаем, что это действительно произошло, хотя несколько иначе, чем описано. Знаменательная встреча делается понятной современнику, если взглянуть на нее сквозь призму психоанализа. С психоаналитической точки зрения вполне возможно, что Авраам сам себе внушил идею союза со Всемогущим Отцом (в образе Яхве) и спроектировал на эту отцовскую фигуру естественное желание защитить своих потомков.

С исторической точки зрения не имеет значения, Авраам ли спроектировал свои желания на воображаемую фигуру Яхве или реальный Яхве предложил союз

Аврааму. Существенно, что и поныне, спустя четыре тысячи лет, идея союза между евреями и Яхве продолжает существовать. Он ежедневно упоминается в молитвах евреев всего мира. За это время многие аспекты еврейства и иудаизма претерпели изменения, но идея союза с Богом осталась неизменной. Она в свою очередь породила стремление оставаться евреями. Это стремление стало движущей силой иудаизма. Без него не было бы ни иудаизма, ни евреев. Стоит этому стремлению исчезнуть, как исчезают все препятствия перед полной ассимиляцией евреев. В ходе истории изменялись методы, которыми это стремление поддерживалось, но цель оставалась неизменной. Еврейская история представляет собой последовательную смену идей, призванных обеспечить достижение этой цели.

«Как хороши твои шатры, о Иаков, и твои жилища, о Израиль!» – восклицает языческий жрец в Книге Чисел. Это, разумеется, поэтическое преувеличение. Кочевая жизнь не способствует развитию искусств и культуры. В течение четырех столетий Авраам и его потомки странствовали в земле Ханаан как бездомные кочевники. У них не было ни своей собственной страны, ни своих собственных правителей. Они практиковали свой обряд обрезания, и хотя соседи часто относились к ним с уважением, столь же часто смотрели на них как на странный народец – может быть, даже слегка свихнувшийся народец, вздумавший поклоняться Богу, которого нельзя увидеть.

Десять заповедей Моисея возникли не раньше, чем четыре столетия спустя. Книга Бытия пестрит упоминаниями об идолах, которые составляли неотъемлемую часть домашней утвари в шатрах еврейских патриархов. Три положения, однако, сохранили евреев в эти первые столетия их существования: идея единственности Бога, провозглашенная Авраамом (или, если угодно, провозглашенная Аврааму), обряд обрезания и отказ от человеческих жертвоприношений (столь трогательно изложенный в истории с жертвоприношением Исаака). Едва лишь евреи восприняли идею монотеизма (т. е. единственности Бога), они начали, сами о том не подозревая, вести себя особым образом. Эти изменения в родовом и индивидуальном поведении были вначале почти незаметны. Постепенно, однако, они становились все более и более ощутимы и все больше и больше отдаляли евреев от всех других.

Невидимого Бога приходится почитать иначе, чем видимого. Поэтому евреи вынуждены были разработать ритуал, который резко отличался от повсеместно распространенных в язычестве. Поскольку Яхве бессмертен, Он никогда не умирает. Следовательно, Он никогда не воскресает. Вследствие этого евреи

отбросили языческие ритуалы умирающего и воскресающего бога. Так как существует только один Бог, не может быть мифологических войн между богами. В результате евреи отбросили всю языческую иерархию богов и мифологию их конфликтов. Если Яхве – это чистая духовность, у него не может быть сексуальной жизни. Поэтому евреи отбросили и все языческие ритуалы плодородия.

Пример Яхве, полностью свободного от сексуальности, привел к тому, что евреи стали обуздывать импульсы плоти более в силу внутренней самодисциплины, нежели из-за страха перед законами. Интересно сравнить ту роль, которую занимает секс в еврейской жизни, с его ролью в греческой цивилизации. Греческие боги сами дают пример необузданной похоти и извращений. Их пример в конечном счете расшатывает мораль тех, кто им поклоняется. Между тем евреи, даже вступив впоследствии в контакт с греческой цивилизацией, никогда не знали присущих ей сексуальных излишеств. С другой стороны, евреи не встали и на путь полного сексуального воздержания, проповедуемого ранней христианской церковью. Они избрали срединный путь – между сексуальной распущенностью и воздержанием, буквально последовали заповеди своего Бога о многодетности. Вполне извинительно, что, стремясь точно исполнить эту заповедь, они позволили себе некоторую свободу. В шатрах сластолюбивых патриархов было много языческих наложниц, формально считавшихся «служанками». Почтенные старцы в обилии плодили потомков в том возрасте, когда человек нашего времени уже начинает жить за счет пенсионных отчислений.

Видимо, кочевая жизнь шла на пользу патриархам. Все они, согласно Библии, жили свыше ста лет. За то время, что Авраам родил Исаака, и Исаак родил Иакова, и Иаков родил двенадцать сыновей, включая Иосифа, незаметно пронеслось четыре столетия еврейской истории. Затем засуха, а за нею голод обрушились на земли, расположенные к северо-востоку от Египта. Изголодавшиеся племена из разных мест, включая евреев, хлынули в плодородную дельту Нила в поисках пропитания. История свидетельствует, что египтяне встретили их доброжелательно.

Изнуренные голодом евреи переселились из Ханаана в Египет. Книга Бытия рассказывает очаровательную историю о том, как Иосиф был продан своими братьями в рабство в Египет. Здесь он стал любимцем фараона, возвысился до визиря и, с разрешения фараона, пригласил своих братьев и соотечественников поселиться в Египте. Здесь они мирно пасли свои стада до тех пор, пока не

наступило правление нового фараона. Он не был так расположен к евреям, как его предшественник, и обратил их в рабство. Никакие источники, кроме Библии, не упоминают об этом пребывании евреев в Египте и их порабощении. Однако лопаты трудолюбивых археологов добыли убедительные доказательства того, что эти события имели место.

С момента прихода евреев в Египет при Иосифе в XVI столетии до н. э. вплоть до их ухода с Моисеем в XII столетии – этот четырехвековой период история обходит полным молчанием. Библия излагает историю этого периода в нескольких фразах. Такое молчание порождает множество недоуменных вопросов. Какую часть времени евреи были свободными и какую – в рабстве? Какую религию они исповедовали? На каком языке говорили? Были ли смешанные браки? Как они смогли сохранить свою веру, будучи рабами? Кто руководил ими до Моисея? Этого никто не знает.

Не все евреи ушли из Ханаана в Египет. Многие остались в Ханаане, пережили голод и сохранили свой союз с Яхве. Эта часть еврейства продолжала оставаться свободной, тогда как их братья в Египте стали рабами. Было ли египетское рабство осуществлением пророчества Яхве, сделанного четырем столетиями раньше? Ведь в Книге Бытия сказано: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в стране не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого будут они в порабощении; после чего они выйдут с большим имуществом» (15:13–14). А может быть, это пророчество является вставкой более позднего автора, который писал, уже зная о том великом смешении народов, которое произошло в Ханаане, когда Моисей привел туда израильтян (так они теперь назывались), чтобы воссоединить их с остатками евреев, не уходившими оттуда?

Однако эти события еще впереди. Пока что евреи (или израильтяне) продолжали пребывать в рабстве в Египте. А как же знаменитое видение Авраама, сулившее его потомкам землю? Было ли оно всего лишь иллюзией? Или же пророчеством, которому суждено было перейти к другим избранникам Бога и реализоваться в более поздние времена?

2. Несговорчивый пророк

Кем были те египтяне, которые столь дружелюбно встретили Иосифа и его соплеменников? К счастью, археологи добыли для нас множество сведений об этом замечательном народе и его рано возникшей цивилизации. Историки делят раннюю историю Египта на тридцать династий. Эти династии в свою очередь группируют по периодам: додинастический (4500 до 3500), Древнее царство (3500 до 2400), Среднее царство (2400 до 1600) и Новое царство (1600 до 1100).

В течение первого периода произошло объединение Верхнего и Нижнего Египта, были изобретены иероглифы, введен календарь и положено начало производству материала для письма (папирус). В эпоху Древнего царства возникло и достигло расцвета графическое искусство и началось строительство первых пирамид. Это было также время морских путешествий, когда Египет стал морской державой. Период Среднего царства был классическим веком древнеегипетской литературы. Тогда же возникли новые формы архитектуры и искусства. Во времена Нового царства наступил расцвет государства. Египет раздвинул свои границы за пределы Палестины и начал борьбу за господство с Ассирией и Вавилонией. Этот период имел также огромное значение для евреев. В самом начале этого периода они пришли в Египет по приглашению Иосифа, тогдашнего канцлера Египта. В конце этой эпохи они покинули египетские земли под предводительством Моисея, «египтизированного принца».

Почему египтяне отнеслись к евреям так дружелюбно в XVI столетии до н. э. и обратили их в рабство в следующем столетии? Ответить на эту загадку опять помогает нам археология. В XVI в. до н. э. азиатские племена, не установленного (скорее всего – семитского) происхождения, известные под именем гиксосов, вторглись в Египет. Они покорили страну, основали новую династию и построили новую столицу – Аварис, расположенную вблизи границы Филистии. Полтора столетия спустя течение истории изменило направление. Египтяне свергли гиксосских правителей и обратили их в рабов. Заодно они поработили и чужеземные племена, которые гиксосы призвали в страну. Новый фараон, Рамсес II, действительно начал, как о том повествует Библия, перестраивать Аварис. Перестроив столицу, он назвал ее, «с должной скромностью», своим именем. Строительство выполнялось многочисленными отрядами рабов из гиксосов и других неегипетских племен. Нет оснований сомневаться в том, что в числе последних были и евреи. Все, что до сих пор раскопали археологи, подтверждает библейский рассказ о ходе событий, хотя историки не пришли еще к согласию в отношении точной их хронологии. Трудно сказать, сколько лет евреи находились в египетском рабстве. Нам ничего не известно о каких-либо попытках их борьбы за освобождение. Неизвестно и о появлении среди них каких-либо вождей-освободителей – вплоть до Моисея, этой величайшей и в то

же время самой противоречивой фигуры еврейской истории.

Моисей для иудаизма то же, что Христос для христианства. Однако события его жизни, в отличие от событий жизни Иисуса, не стали праздниками. В то время как евангелия основаны на высказываниях Иисуса, ни одно повеление Бога, переданное Моисеем народу, не сказано от имени Моисея. Хотя он был освободителем, который вывел евреев из египетского плена, имя его упоминается всего один раз в Хагаде[2 - Хагада (ивр.) – букв.: сказание, легенда.], которую евреи читают каждую Пасху в память о своем исходе. Десять заповедей Моисея – это столпы, на которых покоится все здание иудаизма. Однако наиболее запоминающееся изображение Моисея создано не евреем, а христианином эпохи Возрождения, скульптором Микеланджело. Эта статуя Моисея с рогами[3 - Многие историки искусства объясняют появление рогов у «Моисея» Микеланджело неправильным толкованием нескольких стихов Библии. В Книге Исхода (34:29, 30, 35) говорится, что когда Моисей спустился с горы Синай со скрижалями, его лицо «сияло». В этом месте в Библии употреблено слово каран, происходящее от корня крн. Но из того же корня образуется слово керен, обозначающее и «луч света» и «рог».] запечатлевается в сознании как величественный образ человека, дела которого подтверждают это, но которого евреи не хотят увековечить. Моисей – самая амбивалентная фигура в еврейской истории: почитаемый, но не поминаемый.

Жизнь Моисея, как и жизнь всех других героев древности, окутана легендами. Книга Исхода сообщает, что «фараон, который не знал Иосифа», приказал убивать всех еврейских младенцев мужского пола. Он хотел воспрепятствовать чрезмерно быстрому размножению еврейского племени (с его стороны логичнее было бы приветствовать такую плодовитость, ведь она обеспечивала его дешевой рабочей силой). Как бы то ни было, в те тревожные дни некий человек из колена Левитов взял себе жену из того же колена, у них родился сын Моисей, которого они в течение трех месяцев прятали от египтян. Когда дальнейшее укрывательство стало слишком опасным, родители поместили ребенка в водонепроницаемую корзинку и пустили ее плыть по Нилу. Дочь фараона, пришедшая к реке купаться, нашла Моисея, пожалела и решила усыновить. Она взяла его во дворец, где он был воспитан как египетский принц.

Как и обо всех прочих легендарных героях, мы ничего не знаем о детстве и юности Моисея. Мы знаем лишь, что однажды, когда ему было уже около тридцати, он увидел, как египетский надсмотрщик избивает раба-еврея. Сердце Моисея воспыало обидой за соплеменников-евреев, и он убил египтянина.

Затем, спасаясь от гнева фараона, Моисей бежал в страну Мидиан. Здесь он встретил девушку Ципору, дочь мидианитского жреца Итро (Иофора), и женился на ней. В один прекрасный день, пася овец своего тестя вблизи горы Хорев, Моисей встретил Яхве, который открылся ему как Бог Авраама. Он приказал Моисею вернуться в Египет и освободить евреев. Моисей оказался на редкость несговорчивым. Богу пришлось долго льстить и угрожать ему попеременно, прежде чем Моисей согласился выполнить это приказание.

Приняв на себя руководство, этот несговорчивый пророк вывел евреев из Египта через Красное море в Синайскую пустыню. Странствия евреев по Синайскому полуострову растянулись на сорок лет. За это время старое поколение вымерло и новое заняло его место. Именно здесь, в Синайской пустыне, Моисей дал своему народу Десять заповедей и другие законы. Они стали основой всей еврейской демократии и самого существования нации. Исполнив свою миссию, Моисей умер, так и не ступив на Землю обетованную. Обстоятельства его смерти загадочны. Место его захоронения неизвестно.

Библейская версия жизни Моисея порождает множество недоуменных вопросов. Моисей был воспитан как египетский принц. Каким образом он выучил иврит? Почему отождествлял себя с рабами-евреями, а не с египетской верхушкой? Он не испытывал никаких затруднений, общаясь с мидианитами. На каком языке он с ними общался? Его встреча с Яхве, напоминающая аналогичную встречу Авраама, порождает новые вопросы. Яхве заключил с Моисеем тот же союз, какой некогда заключил с Авраамом. Он приказал Моисею повести евреев в землю Ханаанскую – в то самое место, куда Он некогда привел Авраама. Он обязал Моисея и людей, выведенных им из Египта, выполнять обряд обрезания. Означает ли это, что за время пребывания в Египте евреи отошли от этого обряда? Сын Моисея, как мы увидим в дальнейшем, не был обрезан. Почему его родители не совершили обряд обрезания на восьмой день после рождения в соответствии с заветом Авраама?

Зададим гипотетический вопрос: а были ли «евреи», покинувшие Ур с Авраамом в 2000 г. до н. э., а также «евреи», пришедшие в Египет с Иосифом в 1600 г. до н. э., тем же самым народом, что и израильтяне, выведенные Моисеем из Египта в 1200 г. до н. э.? И были ли израильтяне, вышедшие из Египта, потомками Авраама, Исаака и Иакова? Или же то был совершенно иной народ? В книге Бытия, рассказывающей о событиях до прихода в Египет, евреи повсюду – за одним исключением – именуется евреями, а не «израильтянами». После Исхода и во всех остальных книгах Пятикнижия они именуется обычно

«израильтянами» и очень редко «евреями»[4 - Два места в Библии могут на первый взгляд показаться исключением, но в действительности ими не являются. В первом случае Бог изменяет имя Иакова на «Израэль», что означает «богоборец» (от слов саро им Элохим). С этого момента Иаков, и только он, именуется Израилем – за одним исключением (Быт. 47:27). В другом случае, в предпоследней главе Бытия, Иаков употребляет слово Израиль, но только по отношению к самому себе: «...послушайте, сыны Иакова, внимайте Израилю, отцу вашему».]

Непонятная и настойчиво требующая разъяснений двойственность проходит сквозь все Пятикнижие. Мы видим здесь не только два народа – евреев и израильтян, но и двух Моисеев – левита и мидианита. Нам говорят о двух Богах. Одного называют Яхве (и переводят как «Господь»), а другого – Элохим (и переводят как «Бог»). Позднее мы читаем в Библии о двух царствах, слившихся в одно, а затем опять распавшихся на два. Возникают два соперничающих храма – один в царстве Иудея, в Иерусалиме, другой – в царстве Израиль, в Бет-Эле. Внимательный читатель Библии наверняка заметит, что очень многие события в ней излагаются не в одной, а в двух версиях. Что же это перед нами: две версии одной и той же истории или две различные истории, слившиеся в одну?

В течение многих веков ученые вели нескончаемые споры об истинном происхождении Моисея. Некоторые вообще отрицали его существование. Однако большинство признают, что именно Моисей или кто-то другой, выступавший под этим именем, вывел евреев из египетского рабства. Это, однако, не снимает тех настойчивых вопросов, которые ставятся исследователями Библии.

Отбросим на время теологическую трактовку, согласно которой Бог избрал евреев своим народом. Отбросим также предположение, что это Бог избрал сначала Авраама, а затем Моисея орудиями исполнения Своей воли. Задумаемся над следующим: не могло ли быть так, что Авраам был тем, кто впервые выдвинул идеи монотеизма и избранности, а Моисей тем, кто возродил эти идеи? А возможно, обе идеи были выдвинуты Моисеем? И только позже составители Библии приписали их задним числом Аврааму, чтобы тем самым утвердить непрерывность истории израильтян? Может быть, Моисей, как утверждают некоторые ученые, вообще был неевреем? Может быть, это он избрал евреев в качестве народа, среди которого стал проповедовать свои религиозные идеи? В таком случае выражение «избранный народ» получило бы нерелигиозное объяснение. Не произошло ли в Ханаане слияние израильтян, выведенных

Моисеем из Египта, с евреями, не ушедшими в Египет с Иосифом? И если это так, то было ли то слияние двух различных народов, чуждых друг другу, веривших в различных богов? Или же то были две ветви одного и того же народа, развивавшиеся порознь в течение 400-летнего египетского плена?

Зигмунд Фрейд в книге «Моисей и монотеизм» предлагает следующую любопытную гипотезу. Он считает, что Моисей был неевреем, объединившим израильтян Египта и евреев Ханаана в один народ. Главная посылка Фрейда состоит в том, что Моисей был египетским принцем или жрецом, который создал новую монотеистическую религию[5 - Я никак не могу понять возмущения, вызываемого предположением, что Моисей был египетским принцем, коль скоро евреи вполне спокойно принимают тот факт, что Авраам, праотец еврейского народа, был вавилонянином и стал евреем только на 75-м году своей жизни. Величие еврейской истории состоит в идеях, которые ее пронизывают, и если у евреев хватило ума последовать за Моисеем, будь он египтянином, мидианитом или евреем, то тем больше их заслуга.]. Тщетно пытался, говорит Фрейд, этот египетский Моисей проповедовать свою новую религию египтянам. Египтяне отказывались поверить в такую странную и еретическую фигуру, как невидимый Бог. В те дни все отлично знали, что Земля плоская, что Солнце вращается вокруг Земли и что все боги зримы. Как всякий убежденный фанатик, Моисей сознательно выбрал израильтян, находившихся в египетском рабстве. Он пообещал им освободить их, если они согласятся принять его монотеистическую религию. Существуют ли исторические доводы в пользу такой гипотезы?

Примерно во времена еврейской неволи в Египте там правил фараон по имени Аменхотеп IV. Этот реформатор предпринял попытку заменить политеистическую религию египтян, т. е. веру во многих богов, новой, монотеистической верой. Он провозгласил одного из египетских богов солнца – Атона – верховным божеством. Но народ испугался этого невидимого всемогущего Бога. Жрецы также выступили против нового божества, которое грозило лишить их всякого значения. Произошел дворцовый переворот. Аменхотеп был свергнут и убит во время волнений, которые охватили весь Египет и продолжались около столетия. В конце концов старый порядок был восстановлен.

«В хаосе и смятении этой революции, – говорит Фрейд, – мог произойти один малозаметный инцидент. Вполне возможно, что некий жрец или принц по имени Моисей вдохновился идеями погибающей религии Атона (точно так же, как много позже апостол Павел вдохновился стремлением утвердить христианство).

Возможно, что когда египтяне отказались принять религию Атона, Моисей решил проповедовать ее евреям. Это не такая уж невероятная гипотеза. Здесь снова напрашивается аналогия с Павлом. Когда евреи отказались принять учение Христа, Павел понес свою благую весть язычникам. Таков был иронический оборот истории».

Согласно Фрейду, Моисей решил, что евреи – самый подходящий народ для проповеди новой религии. Они жили в Египте, были рабами и мечтали о свободе. Моисей и евреи пришли к соглашению. В обмен на освобождение евреи обязались признать Моисея своим вождем, а его религию – своей религией (стоит напомнить, что на заре своего существования христианство тоже было принято в основном рабами).

Можно ли найти в Библии доказательства, подтверждающие гипотезы Фрейда о египетском, а не еврейском происхождении Моисея? Согласно Библии, имя Моше, или Мое, было дано ему дочерью фараона. Мосес – греческая форма этого имени. Свой выбор дочь фараона объяснила тем, что «из воды извлекла его». Такое объяснение предполагает, что дочь фараона была сведуща в тончайших нюансах иврита. Лингвисты, однако, указывают на более простое объяснение: имя Моше вообще не ивритское, а египетское и обозначает «дитя». Его можно найти в таких известных египетских именах, как Рамсес (Ра – мое, или «дитя Ра») или Тутмос (Тот – мое, «дитя Тота»). Эти имена образованы почти по тому же принципу, что и некоторые современные фамилии, вроде Джонсона («сына Джона»).

Ученые продолжают спорить, почему сын Моисея не был обрезан при рождении. Создается впечатление, будто Бог с запозданием понял, что поручил вывести евреев из Египта человеку, который не соблюдал еврейского обряда обрезания. Отошел ли Моисей от иудаизма или он с самого начала был необрезанным язычником? Не кто иной, как Ципора, жена Моисея, быстренько проделала операцию обрезания, чтобы смягчить гнев Господень. Та же Ципора, когда она впервые встретила Моисея, приняла его за египтянина. Точно так же вел себя ее отец, мидианитский жрец. Библия утверждает, что Моисей плохо говорил – он заикался и этим оправдывал свое нежелание принять на себя поручение Бога. Для любого читателя Библии это объяснение звучит полнейшей неожиданностью, потому что до этого нигде не упоминалось, что Моисей был заикой. В ответ Бог сообщает Моисею, что у него есть брат Аарон, который будет говорить от его имени. Это еще одна неожиданность, ибо прежде Библия не упоминала об этом брате. Быть может, Моисей действительно нуждался в

переводчике, но совсем по иной причине? Фрейд предполагает, что этой причиной было отнюдь не заикание, а тот факт, что Моисей не знал иврита.

Это, разумеется, еще не решающие соображения. Они, однако, дают основания для некоторых гипотез. Попробуем теперь использовать библейскую экзегезу (критику библейских первоисточников), чтобы объяснить загадку двойственности, которая так характерна для ранней еврейской истории.

Исследователи Библии пришли к выводу, что Пятикнижие представляет собой сборник повествований и документов, заимствованных из четырех основных источников, которые они обозначили «Я», «Э», «ЯЭ» и «Ж». Рассказчик «Я», или Яхвист назван так потому, что он всегда именуется Богом – Яхве. Это самая древняя часть Пятикнижия, написанная примерно в IX в. до н. э. в южном царстве – Иудее. Рассказчик «Э», или Элохист всегда называет Бога Элохим. Это повествование написано лет через сто в северном царстве – Израиле. Исследователи предполагают, что источник «Ж», или «Жреческий» составлен через двести с лишним лет после части «Э», т. е. около 600 г. до н. э. Наконец, в пятом столетии до н. э. еврейские жрецы объединили источники «Я» и «Э», добавив к ним небольшие собственные вставки (весьма благочестивые подделки). Этот текст и называется «ЯЭ», потому что Бог в нем именуется Яхве Элохим (что переводится как «Господь Бог»).

Окончательное слияние пяти книг Моисеевых, известных под названием Пятикнижия, произошло примерно в 450 г. до н. э., это было почти через 816 столетий после некоторых событий, описанных в нем. Разве не разумно предположить, что за это время в рассказах и легендах, передававшихся изустно из поколения в поколение, могли произойти многочисленные изменения? И все это время, как мы видели, жрецы, пророки и политики трудились не покладая рук над редактированием сводного текста. Вернемся к предположению, что именно Моисей был автором идеи союза Бога с «избранным народом». Возможно ли, что упомянутая выше двойственность объясняется тем, что мы действительно имеем дело с двумя разными народами? Возможно ли, что евреи Авраама и израильтяне Моисея имели каждый своего Бога – Яхве у евреев и Элохим у израильтян? Возможно ли, что оба эти народа были позднее впервые объединены Моисеем? Вспомним, что не все евреи ушли в Египет с Иосифом. Многие остались в земле Ханаан, где продолжали исповедовать культ Яхве, как завещали им предки Авраам, Исаак и Иаков. Когда Моисей привел израильтян в землю Ханаанскую, задачей судей, царей и пророков, как мы увидим, стало слияние двух народов в один и двух культов в единую религию. Встав на эту

точку зрения, можно рассматривать встречу Авраама с Яхве как более позднюю вставку в текст, добавленную редакторами Пятикнижия. Ее можно рассматривать как попытку объединить два кровно близких, но религиозно различных народа, приписав им одного и того же Бога. Для этого оказалось достаточно простой уловки – утверждения, что и Авраам, и Моисей имели одинаковые откровения от Яхве и Элохим, ныне именуемого Яхве Элохим – Господь Бог.

Мы уделили много внимания гипотезам о личности Моисея и происхождении евреев и израильтян. Мы не ставили своей задачей ни подтвердить, ни опровергнуть эти гипотезы. Мы лишь хотели указать, что с нашей точки зрения не имеет существенного значения, был ли Моисей евреем или нет. Не существенно, были ли евреи и израильтяне одним и тем же народом и кому именно Бог впервые даровал Свое откровение. Сам факт принятия евреями идеи союза с Богом – вот что сделало еврейскую историю такой, какой она стала, вне зависимости от того, как и кто им эту идею даровал. Существенно, что Моисей, будь он еврей или египтянин, изменил форму и суть прежнего иудаизма. Он был первым из тех боговдохновенных людей, именуемых пророками, которые сделали еврейского Бога универсальным.

Центральным событием истории Моисея, изложенной в книгах Исхода, Левитов, Чисел и Второзакония, является дарование Закона. Все предшествующее было только предисловием. Все последующее – заключением. Дарование Закона было, в сущности, актом сотворения нового народа. Действительно, грандиозная схема Книги Исхода явно задумана как описание обряда посвящения, принятого примитивным племенем, но переведенного в более возвышенный, этический, символический план. Во всяком первобытном племени юноши, прежде чем вступить в общество взрослых мужчин, должны пройти обряд посвящения. Этот обряд всегда содержит пять элементов, общих для самых разных племен: символическая смерть, символическое возрождение, символическое увечье, объединяющее в кровное братство, получение нового имени каждым, прошедшим посвящение, и, наконец, ознакомление с тайными доселе законами племени. Сорокалетнее блуждание евреев под предводительством Моисея в Синайской пустыне, за время которого вымерло старое и выросло новое поколение, воплощает собой символическую смерть и возрождение в обряде посвящения, связанного с Исходом. Затем все мужчины были обрезаны. Евреям было дано новое имя – народ Израиля. Наконец, им был открыт новый закон – Тора.

Тора была дерзким прыжком в будущее. Она гигантски опередила все, что существовало в то время. Ее концепция равенства всех перед законом, основанная на писаном кодексе, является, по-видимому, семитским изобретением. Шумеры, писаный кодекс законов которых датируется 2500 г. до н. э., были, вероятно, первым в истории народом, имевшим писанные законы. Однако их своду законов недоставало того пламенного стремления к справедливости, которое отличает свод законов Моисея. Спустя пять веков шумерский свод был переработан и включен вавилонянами в так называемый Кодекс Хаммурапи. Но и этот кодекс не имел того демократического духа, который пронизывает Тору. Египтяне не имели писаного юридического кодекса, применимого ко всем без исключения подданным, вплоть до 300 г. до н. э.

Таким образом, кодекс Моисея действительно является первым подлинно юридическим, писаным сводом законов, который далеко превосходит все предшествующие законы своим всеобъемлющим гуманизмом, жаждой справедливости, стремлением к демократизму. Одновременно этот кодекс способствовал формированию нового еврейского национального характера. Он направил еврейское мышление в новое русло. Двигаясь по нему, евреи стали все больше отдаляться от своих соседей.

Идеологическое содержание Моисеевых законов представляет значительный интерес. Здесь мы впервые встречаемся с еврейской концепцией государства и философией права. Законы Моисея распадаются на три основные категории: те, которые регулируют отношения человека с человеком, те, которые регулируют отношения человека с государством, и те, которые регулируют отношения человека с Богом.

Законы Моисея предвосхищают ту форму государственности, которую Бог обещал израильтянам. Хотя на этом этапе своей истории евреи все еще были кочевниками, кодекс Моисея предназначен не для кочевого народа. Эти законы рассчитаны на охранение государственной, а не только родовой целостности. Однако интересы индивидуума в них никогда не подчиняются интересам государства. Весьма свободные рамки этих законов обеспечили возможность возникновения демократической формы правления. Она оказалась достаточно жизнеспособной, чтобы просуществовать в течение восьмисот лет, пока пророки в свою очередь не революционизировали Тору. Заметим, что американская конституция насчитывает пока не более двухсот лет.

Кодекс Моисея заложил первые основы для отделения церкви от государства. Эта концепция впервые возникла вновь в мировой истории лишь 3000 лет спустя – в эпоху европейского Просвещения, в XVIII в. Согласно кодексу Моисея, гражданские власти независимы от духовных. Хотя священнослужители имели право решать вопросы, не оговоренные в Моисеевом законе (Второзаконие 17:8–12), они не стояли над гражданским правительством. На священнослужителей была возложена ответственность за то, чтобы правительство держалось в рамках Моисеева закона. Точно так же Верховный суд Соединенных Штатов, не будучи выше федерального правительства, несет ответственность за то, чтобы это правительство действовало в рамках Конституции. Моисей заложил также основы для другого объединения, которое стало с тех пор неотъемлемой частью всякой демократии. Он основал независимый класс судей.

Можно заметить интересное сходство между философскими принципами американской конституции и философскими принципами кодекса Моисея. Федеральное правительство США располагает лишь теми правами, которые конкретно оговорены для него конституцией. Отдельные штаты могут делать все, что им конкретно не запрещено. Моисеев закон, в сущности, также устанавливает принцип, по которому евреи могут делать все, что им конкретно не запрещено. Вместо того чтобы говорить: делай то-то и то-то, законы Моисея обычно говорят: не делай того-то и того-то. Даже там, где в них встречается позитивное утверждение, оно обычно является дополнением к негативной заповеди (запрету) или сопровождается негативным заключением. В конечном итоге все сводится к форме: делая то-то и то-то, не делай того-то и того-то. Десять заповедей, например, содержат всего три позитивных повеления, но зато семь запретов. Три позитивных утверждения – это: «Я Господь Бог твой»; соблюдай субботу; чти родителей. Семь запретов оставляют весьма мало сомнений на счет того, что не положено делать. Определив лишь границы запретного, Моисей тем самым оставил открытое поле для позитивной деятельности. Благодаря этому евреи получили большую свободу действий. До тех пор пока эти действия не входили в противоречие со специально оговоренными запретами, они могли, подобно американским штатам, делать все что угодно.

Подобный тип мышления привел к тому, что еврейские философы, как правило, выражают свои принципы в негативной форме. Интересный пример глубокого различия в типах мышления представляет собой высказывание, которое христиане приписывают Иисусу, а евреи – Гиллелю, одному из величайших учителей иудаизма. Согласно христианской версии, Иисус сказал: «Делай другим

то, чего желаешь для себя». Согласно евреям, Гиллел, живший за сто лет до Иисуса, сказал: «Не делай другим то, чего не желаешь себе». Целая философская пропасть разделяет эти два высказывания. Я приглашаю читателя поразмыслить над ними и решить, какое из них он предпочел бы увидеть примененным к самому себе.

Эти законы, сформулированные почти три тысячи лет назад, и поныне поражают своей гуманностью. Невольно задумываешься: не стал ли бы нынешний мир намного лучше, будь эти законы приняты повсеместно? К рабам относятся более гуманно и снисходительно, чем в Америке в 1850 г. На рабов распространяются все законы, принятые для свободных людей. Каждые семь лет их надлежало отпускать на свободу. Закон о разводе во времена Моисея был более либерален, чем в современной Англии, и к женщинам относились с почтением.

Небезынтересно отметить особое отношение евреев к сексу за 1200 лет до н. э. Пуританская идея секса как греха никогда не имела распространения в иудаизме. Сексуальные желания рассматривались как нормальное явление. В то же время считалось, что желания эти должны находить удовлетворение только в рамках института брака. Поэтому поощрялись ранние браки. Сожительство мужчины и женщины должно было быть радостным, а также добровольным. Считалось преступлением, если один из супругов – муж или жена – намеренно избегал сексуальных отношений. Такое положение, если оно продолжалось, служило достаточным основанием для развода. На холостяков смотрели неодобрительно. Все мужчины усиленно поощрялись к женитьбе, тогда как женщины располагали в этом вопросе большей свободой, хотя и от них ожидали раннего замужества.

Создатель кодекса отдавал себе отчет в неизбежности нарушений закона. Поэтому он позаботился о благополучии детей, рожденных вне брака. Только дети родителей, которым по религиозному закону запрещено вступать друг с другом в брак, считались незаконнорожденными. Все другие внебрачные дети считались законными и не могли быть лишены наследства. Добродетель среди незамужних почиталась весьма высоко. Проституция рассматривалась как низменное занятие. На религиозную проституцию, столь распространенную в языческом мире, смотрели с отвращением. Гомосексуальные отношения между мужчинами считались серьезным преступлением. Но такие же отношения между женщинами считались хоть и скандальными, но не преступными.

Вторая заповедь, запрещавшая изготовление кумиров и изображений живых существ, оказала глубокое влияние на еврейский характер. В этом отношении наиболее интересное замечание сделал Фрейд: «Коль скоро принимается подобный запрет, он должен оказать глубочайшее влияние. Он означает подчинение чувственных восприятий абстрактной идее. Он означает триумф чистой духовности над чувственностью».

Избрав себе Бога духовного, а не материального, евреи пошли по пути обогащения духовного содержания религии, оставив в стороне физический облик божества. Такое отношение последовательно выработалось у пророков, вождей народа и раввинов. Вера в духовного Бога, а не в идолов из камня дала евреям чувство культурного превосходства над язычниками. В результате Моисей вселил в свой народ чувство национальной гордости, а не только чисто внешнее ощущение особости. Интеллектуализм, эта характерная национальная черта евреев, тоже был прямым следствием абстрактности их Бога. Другим таким следствием был отказ от жестокости и садизма. В наши дни нравственные качества евреев могут быть подвергнуты статистической проверке. В настоящее время евреи составляют около 3 % населения США. Однако количество евреев, осужденных за насилие, составляет всего 0,1 % всех осужденных за подобные преступления в американских тюрьмах. За какие бы проступки евреев ни отправляли в тюрьму, это, как правило, не садистские акты – убийство, насилие, побои, истязания, – хотя, разумеется, случаются и исключения. Эта громадная статистическая диспропорция не перестает удивлять современных социологов.

Вторая заповедь имела и отрицательный эффект. Она способствовала подавлению в евреях художественного начала. Так как евреям было запрещено изготавливать «изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли», они отказались от живописи, скульптуры и архитектуры (хотя, как увидим позже, здесь были некоторые весьма заметные исключения). Лишь в XIX в., когда евреи перестали следовать второй заповеди, вслед за христианами, поступавшими так уже в течение двух тысяч лет, они выдвинули из своей среды художников, скульпторов и архитекторов. Однако к этому времени еврейский характер сформировался, и позднее «вторжение» евреев в область ваятельного искусства уже не смогло значительно изменить их национальный характер.

Явление Бога Моисею, ознаменовавшееся дарованием божественного закона еврейскому народу, завершилось. Миссия Моисея была закончена. Теперь ему надлежало сойти со сцены. Более молодые готовы были взять в свои руки судьбу

народа, которому он дал конституцию. Знаменитое видение Авраама не было иллюзией. Моисей, этот несговорчивый пророк, сделал его реальностью.

3. Судьи, цари и узурпаторы

Когда наконец в XII в. до н. э. евреи поселились на Земле обетованной и могли назвать ее своей, это оказалось наихудшим из решений. Они заселили полосу земли, которая служила коридором для воюющих армий. То и дело им приходилось расплачиваться за эту ошибку гибелью в сражениях, потерей свободы, выселением из страны. Но каждый раз они упрямо возвращались на прежние места, вновь заселяя узкую полосу своей территории, которая попеременно называлась Ханааном, Палестиной, Израилем, Иудеей, провинцией Иудея и снова Израилем.

Исход евреев из Египта был возглавлен Моисеем. Их возвращение в Ханаан, Землю обетованную, возглавлял назначенный Моисеем его преемник – Иехошуа (Иисус Навин). Ханаанеяне, хоть и располагали боевыми колесницами и мощными крепостями, не представляли собой единого народа. Это была скорее непрочная федерация городов-государств. Каждое из них управлялось своим маленьким царьком. Тщетно пытались они сплотиться против вторгшихся в страну евреев. Еврейские армии под предводительством Иехошуа нанесли удар прежде, чем противник успел объединиться. Иехошуа переправился через реку Иордан и, устремившись на юг, против иевуситов, разгромил союзные армии, возглавлявшиеся иевуситским царем. Затем, повернув на север, он разгромил ханаанские племена под руководством царя Хацора. Читателю, не знакомому с историей и нравами древности, рассказ Библии о последовавшем за этим разрушением Ханаанской цивилизации может показаться чудовищным. В действительности оно было значительно менее варварским, чем разрушение критской культуры греческими ордами, вторгшимися на Крит в VI веке до н. э., или этрусской культуры – римлянами, вторгшимися в Этрурию в том же столетии. Ханаанская цивилизация распалась, а евреи стали бороться с отвратительными религиозными обычаями, на которых она держалась, – человеческими жертвоприношениями божеству по имени Молох, похотливым культом местного ханаанитского божка по имени Ваал, разгульными оргиями и культовой проституцией во имя женского божества Ашеры. Постепенно по мере прекращения ханаанского сопротивления начали вырисовываться первые, еще нечеткие очертания границ будущей Эрец-Исраэль. В этой исторической драме

Ханаан был великолепным фоном для спектакля «Возвращение на родину». Израильтяне, ушедшие из Египта, возвращались в Ханаан после четырехсотлетнего отсутствия. Им предстояло воссоединиться со своими братьями-евреями, теми из потомков Авраама, Исаака и Иакова, которые четыре столетия тому назад не откликнулись на приглашение Иосифа переселиться в Египет. Это воссоединение египетских израильтян и ханаанских евреев заняло около 200 лет. Но и после этого получившаяся смесь осталась несовершенной. Это была холодная пайка, которая развалилась при первых же признаках внешнего давления.

С заселением Ханаана евреи перестали быть кочевым народом. Осев на земле, они создали своеобразный политический институт, не имевший себе подобных в истории. Это был институт шофтим, или Судей, – боговдохновенных людей, ответственных только перед Господом. За 400 лет до греков евреи создали первую в мире демократию. Грубо говоря, эпоха Судей в еврейской истории соответствует джефферсоновской эпохе в истории американской – эпохе слабого центрального правительства и широких «прав колен», которым в американской истории соответствуют широкие права отдельных штатов.

Новая нация состояла из двенадцати колен, упоминаемых в Библии. Старейшины вершили правосудие в каждом колене – точно так же, как в штатах ее вершат местные суды. Выше авторитета старейшины был верховный авторитет судьи (как федеральная конституция стоит выше авторитета местных властей). Судья был главнокомандующим во время войны и правителем в мирные дни. Его власть была ограничена Законом, но он мог по своему усмотрению назначать должностных лиц так же, как президент США назначает министров. Судьи могли созывать «сенат» и «Народную ассамблею» для обсуждения различных вопросов. Функции членов сената ничем не отличались от сегодняшних в Америке. Подобно палате лордов в Англии, сенат был не только законодательным, но и юридическим органом власти. Во время греко-римского владычества в Палестине сенат, называвшийся у евреев Санхедрин (Синедрион), утратил большую часть своих законодательных прав и превратился в основном в институцию судебного производства.

Народная ассамблея отдаленно напоминала американскую палату представителей. В Пятикнижии Моисеевом задолго до первого упоминания об институте Судей то и дело встречаются выражения: «Вся община Израиля» или «весь Израиль». В то время когда Моисей у горы Синай передавал народу Тору, евреи уже насчитывали более 600 тысяч человек[6 - Многие ученые считают, что

подлинная цифра составляет 600, или 6 тысяч семей. Трудно представить, что пустыни Синая и Негева могли прокормить 600 тысяч взрослых мужчин, их семьи и слуг – в общей сложности около трех миллионов человек – в течение сорока лет.], трудно представить себе, чтобы Моисей мог обратиться ко всем одновременно. Скорее всего, он выступал перед избранными представителями каждого колена.

Американская демократия отнюдь не случайно так разительно напоминает государственный строй древнего Израиля. Отцы-основатели Соединенных Штатов были воспитаны на Библии. Многие из них достаточно хорошо владели ивритом, чтобы прочесть Ветхий Завет в оригинале. Некоторые ученые придерживаются мнения, что американская конституция скопирована не с греческой демократии, а с еврейского государства эпохи Судей.

В это же время, где-то между 1300 и 800 г. до н. э., то ли финикийцы, то ли евреи изобрели важнейшее орудие человеческой культуры – алфавит. Еще недавно все ученые единогласно отдавали честь этого изобретения финикийцам. Однако археологические открытия последних лет дают все большие основания предполагать, что алфавит был еврейским изобретением.

Институт Судей просуществовал в течение двухсот лет. Он, однако, страдал одним роковым изъяном. Он не обеспечивал основы для сильного централизованного руководства. Каждый судья избирался своим собственным коленом. Все двенадцать колен были уверены, что в критический момент Бог позаботится о том, чтобы объединить их и ниспослать им вдохновенного вождя, который, подобно Жанне д'Арк, спасет евреев от грозящего им несчастья. И у евреев действительно была своя Жанна – в лице Деборы, единственного судьи-женщины. Вера евреев в своевременное вмешательство Господа была так сильна, что они не заботились о преемственности власти. Они полагали, что всякий кризис сам собой породит очередного Спасителя. В этом убеждении можно видеть зародыш грядущих мессианских концепций.

Отсутствие постоянного главы государства препятствовало развитию устойчивой центральной власти. Хотя институт боговдохновенных Судей способствовал распространению в народе религиозного духа, он не был способен обеспечить гражданский мир в стране. То была эпоха раздоров. Исследователь экономической истории назвал бы ее эпохой перехода от экономики кочевой к экономике оседлой, сельскохозяйственной. Изменившиеся социальные и экономические условия, несомненно, требовали более

централизованной системы управления. Новый образ жизни – в домах и городах, а не на спинах мулов и в шатрах – в конце концов привел к изменению системы власти.

Следуя требованию времени, евреи установили конституционную монархию. Так родилась первая династия еврейских царей. Конституционная монархия, созданная двенадцатью коленами Израиля примерно в 1000 г. до н. э., была первым в истории экспериментом такого рода. Позднее такую форму правления в течение короткого времени практиковали греки и римляне. Затем она исчезла, чтобы вновь возродиться с подписанием Великой хартии вольностей. После этого ее почитали – больше на словах, чем на деле, – в течение еще нескольких столетий. Еврейская идея монархии существенно отличалась от языческой. Она была обусловлена свободным и непосредственным контактом человека с Богом, присущим еврейскому монотеизму. Язычники приписывали своему монарху божественное происхождение. Он олицетворял в себе и государство и религию. Он был центральной фигурой их религиозного культа. Евреи никогда не считали, что их цари ведут свое происхождение от Бога. Еврейский царь нес такую же ответственность перед законом, как и обычные граждане. Для него не существовало ни особых законов, ни особых исключений.

Первым царем Страны Израиля – впрочем, только номинально – был Саул. Первым настоящим царем был Давид. Вторым – его сын Соломон. Давид был воинственным монархом, но его слава в памяти евреев зиждется на трех деяниях, не имеющих ничего общего с войной. Давид превратил Иерусалим в символ, идеал и святыню тем, что, во-первых, сделал его политической столицей страны, во-вторых, предназначил его местом сооружения Храма и, в-третьих, поместил там ковчег Завета. Однако, поскольку Давид был воинственным монархом, а Храм был посвящен идеалу мира, Бог не благословил Давида на сооружение Храма. Эта роль была доверена его сыну Соломону. Во времена правления Давида ковчег хранился в специальном шатре. Соломон перенес его в Храм. Однако замыслы Давида привели к непредвиденному результату: Иерусалим стал символом не только иудаизма, но и еще двух религий – христианства и ислама.

Умирая, Давид оставил своим наследникам царство, которое – по крайней мере евреям – казалось целой империей. Но на это наследство зарилось много врагов. «Империя» Давида простиралась от реки Евфрат до залива Акаба и была впятеро больше современного Израиля (до 1967 г.). Однако ее границы были раздвинуты за счет других народов. Иевуситы, которые дали Иерусалиму его имя, были

изгнаны, но не покорены. Филистимляне, именем которых была названа Палестина, были покорены, но не сокрушены. Не успели евреи оплакать Давида, как иевуситы и филистимляне объединились с другими побежденными племенами и восстали против евреев, чтобы вернуть свои утраченные земли. Иевуситы и филистимляне так и не сумели отвоевать Иерусалим или Палестину. Но их восстание позволило другим покоренным евреями племенам освободиться из-под еврейского господства. Царь Соломон даже не пытался вернуть их в подчинение. Добившись дипломатическим путем установления мира на границах, он направил свои усилия на внутреннее развитие страны.

Переход земледельческой страны к городскому образу жизни был не менее трудной задачей, чем, скажем, превращение феодального общества в капиталистическое. Для ее решения Соломону потребовалось сломить политическую независимость отдельных племен. Его побудили к этому весьма прозаические причины.

Известный немецкий социолог Макс Вебер в своем эссе «Политика как профессия» указывает, что сильное федеральное правительство можно создать только тогда, когда оно сосредоточивает в своих руках все важнейшие административные функции и исключительное право ведения войны. Когда отдельные составные части государства уже не располагают достаточными средствами для содержания собственных армий и зависят в этом отношении от денег федерального правительства, тогда они утрачивают свою фактическую суверенность, хотя могут еще сохранять номинальную. Аналогия с ситуацией в США очевидна.

Перед Соломоном стояла задача утвердить федеральную власть вместо власти племен. Ему предстояло сломить их политическую независимость. Эта независимость покоилась на их способности содержать собственные армии и собирать достаточные налоги, чтобы быть финансово независимыми. Для достижения своих целей Соломон разделил страну на двенадцать налоговых округов, при этом он намеренно разрушил прежние границы колен. Введя огромные налоги и принудительный труд, он создал большую армию обезземеленных, вынуждая их переселяться в города: таким образом, в городах возникла дешевая рабочая сила, которая позволяла создавать новые торговые и ремесленные предприятия. Во времена Судей (сельскохозяйственная экономика) основной экономической ячейкой был род. При Соломоне (торгово-ремесленная экономика) такой ячейкой стал индивидуум. Родовые узы и авторитет старейшин были подорваны.

Соломон, однако, поторопился. Разрушение старых устоев породило череду событий, которые вышли из-под его контроля. В стране возникали новые города, где развивалась торговля, процветало ремесло. Но эти города не успевали поглотить огромные массы обезземеленных, которые устремлялись в них из деревни в поисках работы. По прошествии некоторого времени все язвы чересчур поспешного развития выступили наружу. К моменту смерти Соломона страна была во власти тех социальных и экономических конфликтов, которые столь характерны для современных государств, – обезземеление, принудительный труд, безработица, арендаторство, эксплуатация большинства меньшинством. Чрезмерная концентрация богатств порождала пороки и коррупцию. Они в свою очередь порождали злоупотребления и извращали суд.

Соломон посеял также семена будущего религиозного раздора. Через его опочивальню в Страну Израиля проникло идолопоклонство. В то время смешанные браки и многоженство еще не были запрещены. Независимо от того, к какой религии принадлежали многочисленные жены и любовницы Соломона, он разрешал им исповедовать ее открыто. Отношение Соломона к религии можно описать словами историка Гиббона, который говорил о римлянах: «Всевозможные культы, процветавшие в Римской империи, рассматривались простыми людьми как одинаково истинные, философами – как одинаково ложные, а властями – как одинаково полезные. Подобная терпимость приводила не только к всепрощению, но и к религиозному согласию». Не так смотрели на это евреи. Терпимость царя Соломона не привела ни к взаимной снисходительности, ни к всеобщему согласию. Она породила гражданскую войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В Библии Бог именуется трояко: Элохим – «Бог»; Яхве – «Господь» и Яхве Элохим – «Господь Бог». Ортодоксальный еврей никогда не произносит имя Яхве, хотя оно встречается в Библии более 7000 раз. Встречая это слово, он произносит Адонай, что означает «Господь мой». Отсюда перевод Яхве – «Господь». Никто не знает, как это имя произносилось первоначально, поскольку его произношение было запрещено уже во II в. до н. э., тогда как диакритические знаки для обозначения гласных были введены в употребление только несколькими столетиями позже. Пуристы даже не пытаются реконструировать первоначальное произношение и попросту пишут Яхве.

2

Хагада (ивр.) – букв.: сказание, легенда.

3

Многие историки искусства объясняют появление рогов у «Моисея» Микеланджело неправильным толкованием нескольких стихов Библии. В Книге Исхода (34:29, 30, 35) говорится, что когда Моисей спустился с горы Синай со скрижалями, его лицо «сияло». В этом месте в Библии употреблено слово каран, происходящее от корня крн. Но из того же корня образуется слово керен, обозначающее и «луч света» и «рог».

4

Два места в Библии могут на первый взгляд показаться исключением, но в действительности ими не являются. В первом случае Бог изменяет имя Иакова на «Израэль», что означает «богоборец» (от слов саро им Элохим). С этого

момента Иаков, и только он, именуется Израилем – за одним исключением (Быт. 47:27). В другом случае, в предпоследней главе Бытия, Иаков употребляет слово Израиль, но только по отношению к самому себе: «...послушайте, сыны Иакова, внимайте Израилю, отцу вашему».

5

Я никак не могу понять возмущения, вызываемого предположением, что Моисей был египетским принцем, коль скоро евреи вполне спокойно принимают тот факт, что Авраам, праотец еврейского народа, был вавилонянином и стал евреем только на 75-м году своей жизни. Величие еврейской истории состоит в идеях, которые ее пронизывают, и если у евреев хватило ума последовать за Моисеем, будь он египтянином, мидианитом или евреем, то тем больше их заслуга.

6

Многие ученые считают, что подлинная цифра составляет 600, или 6 тысяч семей. Трудно представить, что пустыни Синая и Негева могли прокормить 600 тысяч взрослых мужчин, их семьи и слуг – в общей сложности около трех миллионов человек – в течение сорока лет.

Купить: https://tellnovel.com/ru/daymont_maks/evrei-bog-i-istoriya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)